

ХРАМЪ
КНИДІЙСКІЙ
Г. МОНТЕСКІЕУ

*---Non murmura veftra columbae,
Brachia non hederiae, non vincant oscula conchae.*

то есть:

---Шептаній нашихъ голуби, объятій плющевыя вѣточки,
поцѣлуевъ раковины да не превзойдутъ.

Оставшійся отрывокъ брачной пѣсни

Императору Галліену¹.

Съ Французкаго переводилъ

И.С.²

Цѣна 12 коп.

Въ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

1770 года. ³

ПРЕДИСЛОВІЕ
Отъ Французскаго переводчика.

Одинъ изъ Французскихъ посланниковъ, бывшихъ при Оттоманской Портѣ, знающій довольно вкусъ въ наукахъ, накупивъ множество Греческихъ рукописныхъ книгъ, привезъ во Францію. Нѣкоторыя изъ оныхъ дошли до моихъ рукъ, гдѣ нашелъ я и сіе сочиненіе, коего переводъ здѣсь сообщаю.

Не многіе Гречскіе писатели остались до нашихъ временъ. Можетъ стать, что они потеряны при разореніи книгохранилищъ, или нерадѣніемъ владѣвшихъ оными.

Мы отъ времени до времени обрѣтѣемъ по нѣскольку изъ сихъ сокровищъ. Сыскиваемы были сочиненія и въ самыхъ гробахъ писавшихъ оныя, да и сіе, что почти тоже самое есть, найдено между книгами нѣкоего Епископа.

Ни имя сочиителя, ни время, пѣ которое онъ жилъ, не извѣстно; то только сказать можно, что онъ жилъ не прежде Сапфы; ибо упоминаетъ объ ней по своемъ сочиненіи.

Что касается до моего перевода, онъ вѣренъ; я не находившихся въ моемъ сочинителѣ красотъ не почиталъ за красоты; и старался сыскивать такія слова, которыя бы не столько живое выраженіе, сколько мысль сочинителю изобразить могли.

Я былъ побужденъ къ сему переводу успѣхомъ перевода Тассова.¹ Трудившійся во ономъ не поставитъ мнѣ въ прокъ, что я тѣмъ же теку путемъ. Въ чемъ онъ отличилъ себя такъ, что не боялся и тѣхъ самихъ, въ коихъ весьма великую возбудилъ ревность.

Сія небольшая любовная повѣсть есть на подобіе картины представляющей съ выборомъ прятнѣйшіе предмѣты.

Общество нашло въ ней веселыя мысли, нѣкоторое великолѣпіе въ описаніи и живность въ чувствованіяхъ.

Въ ней примѣченъ родъ писанія примѣрный, который заставилъ критиковъ спрашивать: на какій образецъ она сдѣлана? Что есть великая похвала, когда въ прочемъ сочиненіе не достойно презрѣнія.

Нѣкоторыя ученые не нашли въ ней того, что они искусствомъ называютъ. Она, говорятъ они, не по правиламъ сочинена; но если сочиненіе сіе понравилось, то знатно, что сердце ихъ не открыло имъ всѣхъ правилъ.

Принимающійся за переводъ не можетъ терпѣливо сносить, когда другіе почитаютъ не столько подлинникъ, сколько онъ; и я признаюсь, что господа сіе привели меня въ великое огорченіе: но я прошу ихъ оставить о книгѣ сей разсуждать молодымъ людямъ, которая, на какомъ бы языкѣ писана ни была, конечно для нихъ сочинена, и прошу не мѣшать имъ въ рѣшеніи. Одни только искусно подвигая и хорошо напудренныя головы знаютъ всю цѣну Книдійскаго храма.

Въ разсужденіи прекраснаго пола, которому я щастливые часы жизни моей, хотя немногіе, долженствую, всеусердно желаю, чтобъ сочиненіе сіе понравилось ему: я еще обожаю его, и если онъ не есть больше предметомъ моихъ упражненій, то еще есть предметомъ моего сожалѣнія.

Если люди желаютъ отъ меня сочиненія не столь легкомысленнаго, я въ состояніи у довольствоватъ ихъ въ томъ. Уже тридцать лѣтъ, какъ я тружусь надъ книгою о двенадцати страницахъ содержащею все наше знаніе о метафизикѣ, прлитикѣ и прапоучительной наукѣ, и все то, что славные сочинители позабыли написать въ книгахъ отъ себя изданныхъ о сихъ наукахъ.

Хотя господинъ Монтескіеу съ начала и таилъ посредствомъ сего предисловія, будто бы сіе сочиненіе не его: одна-кожъ теперь всѣмъ извѣстно, что онъ прямой Книдійскаго Храма сочинитель.²

ОПЕЧАТКА.				
стран.		строк.		читай.
1.	--	7.	Несодррагается	несодрогається
4.	--	4.	Короводы	хороводы
44.	--	2.	о народѣ	о нарядѣ
—	—	14.	Ее	ея
70	--	3.	Кесифа	Кефиса.

ХРАМЪ КНИДІЙСКІЙ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Венера возлюбила Книдѣ³ паче Пафа⁴ и Амаѳунта⁵. Она низходя съ Олимпа всякій разъ Книдіянь удостоиваетъ присутствія своего. Сей блаженный народъ такъ приобыкъ зрѣти лице ея, что уже не содрагается больше отъ священнаго того ужаса, который пришествіемъ боговъ въ сердца смертныхъ вливается. Иногда она одѣянная облакомъ приходитъ; однако бываетъ узнаваема по божественному благоуханію из ея власовъ амвросіею наполненныхъ истекающему.

Городъ лежитъ по срединѣ въ такой странѣ, на которую щедрая рука боговъ всѣмъ богатырямъ свои истоцила благодѣянія: вѣчная тамо весна царствуетъ; земля плодородіемъ кичащаяся предупреждаетъ всѣхъ жителей желанія, стада ходятъ на паствахъ безчисленныя; вѣтры тамо кажется не для инаго чего вѣютъ, какъ чтобы благовонный духъ отъ цвѣтовъ испускаемый разнести по всему въ кругъ пространству; птицы поютъ непрерывно, слышащему только голосъ ихъ подуматъ можно, что лѣса тамо сладкое и согласное сіе пѣніе производятъ; ручьи приятно журчатъ протекая по равнинамъ; теплота умѣренная всѣхъ тварей съмена оживотворяетъ; воздухъ дыханіемъ внутрь увлекаемый приятностями своими всякаго плѣняетъ.

Близъ города стоитъ дворець Венеринъ. Вулканъ⁶ самъ заложилъ его основанія, онъ отсроилъ его для своего невѣрныхъ въ то самое время, какъ хотѣлъ загладити въ мысляхъ ея поношеніе учиненное ей въ присутствіи всѣхъ боговъ⁷.

Не можно мнѣ изобразити приятностей сего зданія; никто кромѣ Грацій не опишетъ тѣхъ вещей, кои они сами сдѣлали. Золото, руины⁸ и всѣ драгоцѣнные камни блистаютъ тамо вездѣ. - - Но я наружныя утвари, не внутреннюю красоту онаго представляю.

Сады видны прекраснѣйшіе; Флора и Помона сами надъ ними имѣютъ смотреніе; Нимфы же ихъ оныя воздѣлываютъ. Здѣсь плоды подъ рукою ихъ собирающею незапно вновь возрастаютъ; древа по снятіи съ нихъ плодовъ вдругъ украшаются цвѣтами. Тутъ, когда Венера окруженная Книдіянками прогуливается; иной бы сказалъ, конечно они своими рѣзвыми играніями нарочно приходятъ опустошать сіи прятнѣйшіе сады; однако все то нѣкоею танственною силою въ одинъ мигъ возобновляется.

Венера съ удовольствіемъ взираетъ на короводы чистосердечныхъ Книдіянокъ. Нимфы ея съ ними пляшутъ; богиня беретъ участіе въ ихъ веселіяхъ; она сложивъ съ себя величество свое, садится по средѣ ихъ видя радость и непорочность въ ихъ сердцахъ царствующія.

Въ дали виденъ пространнѣйшій лугъ весь цвѣтами распещренный. Пастухи съ своими пастушками приходятъ срывать оныя; но срываемые пастушками цвѣты всегда прекраснѣйшими быть кажутся, и они думаютъ, что сама Флора оныя для нихъ приуготовила.

Рѣка Кифей сей лугъ орошаетъ и делаетъ на немъ множество протоковъ. Кифей останавливаетъ бѣгущихъ пастушекъ, чтобъ не лишали они пастуховъ нѣжныхъ обѣщанныхъ имъ поцѣлуевъ.

Когда Нимфы по брегамъ его подходятъ, онъ течь перестаетъ, и стремящіяся струи свои соединяетъ съ тихо стоящими. Но если которая изъ нихъ въ ономъ мыться станетъ, то онъ влюбясь въ нее тогда еще больше, струями своими ее окружаетъ, наводняется, чтобы тѣмъ лучше принять ее въ свои объятія; похищаетъ, влечетъ и насильно съ собою уноситъ. Робкія подруги ея начинаютъ проливать слезы; но онъ держитъ ее навѣрху водъ своихъ, и прельщенъ будучи толь любезнымъ бременемъ, мчитъ на чистыхъ своихъ хребтахъ; на конецъ въ отчаяніи оставивъ, выноситъ ее тихо на берегъ, и тѣмъ смущенныхъ подругъ ея утѣшаетъ.

Въ сторонѣ растетъ миртовая роца, въ которой дороги на многочисленныя стези раздѣлились. Уязвленные любовію приходятъ туда рассказывать другъ другу мученія свои, любовь ослѣпляющая своими прелестями водить ихъ всегда неизвѣстными и сокровенными путями.

Не далеко оттуда видна древняя священная роца, внутрь которой солнечный свѣтъ едва проходитъ. Дубы отъ вѣчности почти тамо растущіе къ облакамъ возносятъ верьхи свои, до коихъ зрѣніе не достигаетъ. Тамо объемлетъ чувства нѣкоторый божественный ужасъ: думать можно, что тутъ было селеніе боговъ, когда люди не обитали еще на землѣ.

Выходя изъ темной сей роци увидишь небольшой холмъ, на которомъ воздвигнуть храмъ въ честь Венерѣ. Ничего нѣтъ на свѣтѣ ни святѣйшаго, ни благоговѣйнѣйшаго, какъ сіе мѣсто.

Въ семъ храмѣ Венера въ первый разъ увидѣла Адонида⁹: смертоносный ядъ влился въ сердце богини. Какъ! восклицаетъ она, я буду любить смертнаго? Но увы! я чувствую, что его обожаю. Пускай мнѣ больше обѣтовъ не приносятъ: нѣтъ уже во Книдѣ другаго бога, кромѣ Адонида.

Тутъ она пригласила къ себѣ Купидоновъ, будучи огорченна нѣкогда дерзновеннымъ вызовомъ, и требовала у нихъ совѣта. Она колебалась мыслями, предстать ли ей нагою предъ лице Троянскаго пастуха: по томъ прикрыла свой поясъ волосами; нимфы ее окурили, и она сѣдши на свою колесницу запряженную лебедями, приѣхала во Фригію¹⁰. Пастухъ сумнѣвался Палладу ли или Юнону предпочтитель; когда увидѣлъ ее, взоры его разбѣжались и замертвѣли: золотое яблоко упало ко стопамъ богини; онъ хотѣлъ говорить, но смятеніе его судъ окончило.

Когда въ сей храмъ цвѣтущая младостью Психія пришла съ матерью своею, то Купидонъ летая около позлащенныхъ жертвенниковъ, самъ однимъ взоромъ ея заразился. Онъ почувствовалъ тогда всѣ тѣ мученія, кои другимъ причиняетъ. Такимъ то образомъ, говоритъ онъ, я уязвляю! я не могу теперь ни лука, ни стрѣлъ моихъ держать. По томъ упавъ на лоно Психіи вскричалъ: Ахъ! я начинаю ощущать, что я богъ веселія.

Когда войдешь въ храмъ, вливается въ сердце нѣкая тайная сладость, которой изобразить не возможно: духъ въ такомъ бываетъ восхищеніи, какое одни только боги, и то въ небесныхъ селеніяхъ чувствуютъ.

Всѣ приятности естества соединены тутъ съ тѣмъ, что искусство прекраснѣйшаго и достойнѣйшаго въ честь боговъ изобрѣсти можетъ.

Рука безъ сумнѣнїя божественная украсила оный разными живописными картинами, которыя одушевленными быть кажутся. Тамо представлено Венерино рожденїе; восторгъ увидѣвшихъ ее боговъ; ея смущенїе, что видитъ себя всю нагою, и стыдливость, которая есть первую Граціею.

Изображена тутъ Марсова и Венерина любовь. Живописецъ написалъ Марса сидящаго на своей колесницѣ гордаго и видомъ ужаснаго; слава летаетъ около его; страхъ и смерть предшествуютъ его конямъ покрытымъ пѣною: онъ вступаетъ межъ сражающихся, и густая пыль начинаетъ скрывать его отъ глазъ. На другой сторонѣ начертанъ онъ лежащїй во изнеможенїи на одрѣ упещренномъ розами и смотрящїй съ усмѣшкою на Венеру: узнать его иначе не можно, какъ только по нѣкоторымъ оставшимся еще божественнымъ отмѣннымъ чертамъ. Боги веселїя соплетаютъ вѣнки, коими двухъ любовниковъ увязываютъ, кажется, что взгляды ихъ въ мѣстѣ соединены; они воздыхаютъ и только другъ на друга вперенными очами смотрятъ, а играющихъ около ихъ Купидоновъ и не примѣчаютъ.

Въ семъ храмѣ сдѣланъ особый покой, въ ономъ живописецъ бракъ Венеринъ и Вулкановъ изобразилъ, на который всѣ небожители собрались. Вулканъ представленъ не со всѣмъ угрозимъ, но столькоже задумчивымъ, какъ обыкновенно бываетъ. Венера холоднымъ видомъ взирает на великолѣпное сіе веселїе; простираетъ какъ не хотя Вулкану руку, которая будто сама съ его руки упадаетъ; отвращаетъ отъ него свои очи, коими едва можетъ взглянуть на него, и оборачивается ко Граціямъ. На другой картинѣ Юнона учреждаетъ брачныя обряды. Венера приемлетъ въ руки чашу, утверждая клятвою сохранить вѣчную Вулкану вѣрность: боги усмѣхаются; но Вулканъ слушаетъ то съ удовольствїемъ.

По другую сторону изображенъ сей богъ изъ предѣловъ терпѣнїя выступившимъ; онъ влечетъ свою божественную супругу, которая столько сопротивляется, что кажется со всѣмъ подобною дочери Церериной похищаемой отъ Плутона: но око смотрящее на Венеру обмануться никогда не можетъ.

Далѣе оттуда представленъ онъ влекущимъ ее и ведущимъ на брачное ложе во множествѣ послѣдующихъ за ними боговъ.

Венера противится, желая вырваться изъ рукъ ее держащихъ. Долгая одежда ея до колѣнъ подымается, покрывало въ кругъ летаетъ: но Вулканъ приводитъ въ стройность сей прекрасный, безпорядокъ стараясь больше прикрыть ее, нежели похитить.

На конецъ изображено, какъ онъ полагаетъ ее на приготовленномъ самимъ Именеемъ¹¹ ложѣ: закрываетъ ее занавѣсами, и мнитъ тамо на вѣки удержать ее. Собраніе докучливое теперь Вулкану прочь отходить: а онъ видя ихъ идущихъ радуется. Богини между собой играютъ: но боги на противъ того печальными быть кажутся; Марсова же печаль подобна нѣкоторымъ образомъ злобной ревности.

Венера возлюбивъ великолѣпіе своего храма, сама служеніе себѣ во ономъ установила, сама обряды учредила, сама узаконила праздники; она тамо въ мѣстѣ и богиня и священнодѣйственница.

Приносимое ей почти по всей вселенной служеніе, есть больше оскверненіе святыни, нежели благочестіе. Она имѣетъ таковыя храмы, гдѣ всѣ того города дѣвицы въ честь ей безчестію предаются, и собираютъ себѣ приданое отъ прибытковъ богоговѣнія своего. Есть другіе храмы, куда каждая замужняя жена одинъ разъ въ жизнь свою приходитъ, чтобъ отдать себя во угожденіе тому, кто избрать ее пожелаетъ, и полученныя деньги во святилище влагаетъ. Въ иные приѣзжаютъ отовсюду для жертвоприношенія непотребныя женщины, почитаемыя тамо больше, нежели цѣломудріемъ украшенныя. Въ иныхъ на конецъ мужчины дѣлаются скопцами, и облекшись въ женское одѣяніе отправляютъ служеніе во святилищѣ, посвящая богинѣ и тотъ полъ, коего уже не имѣютъ, и тотъ, коего имѣть не могутъ.

Но Венера восхотѣла, чтобы Книдійскіе жители нескверное имѣли служеніе и достойнѣйшую ей предъ прочими воздавали честь. Тамо вздохи приемлются въ мѣсто жертвы, и нѣжное сердце въ мѣсто даровъ. Каждый любовникъ приноситъ обѣты любовницѣ своей, кои Венера за нее принимаетъ.

Гдѣ ни увидятъ красоту, обожаютъ ее такъ, какъ и самую Венеру: по тому что она есть столько же божественна, какъ и сія.

Плѣненные любовію сердца приходятъ во храмъ; они преклоняютъ колѣна предъ олтарями вѣрности и постоянства.

Претерпѣвающіе досады отъ несклонности и жестокости своей обладательницы, притекая во оный, воздыхаютъ, и получаютъ тамо облегченіе своимъ мученіямъ, начиная питаться ласкательною надеждою.

Богиня обѣщавшая награждать истинныхъ любовниковъ благоуспѣшїемъ, даруетъ имъ оное всегда по мѣрѣ ихъ мученїя.

Ревнивость есть такая страсть, которую имѣть можно, но не должно изъявляти оныя. Своенравїя любовницы почитаются въ тайнѣ подобно непремѣннымъ боговъ судьбамъ, которыхъ строгость бываетъ тотъ часъ справедлива, какъ скоро кто роптанїе на оныя произносить отваживается.

Огнь любви, восхищенїя любовныя и самое изтупленїе въ числѣ благодѣяніи богини поставляются; ибо чемъ меньше обладаешь сердцемъ своимъ, тѣмъ больше принадлежитъ оно божеству.

Не отдавшїе сердца своего любовной страсти, почитаются непросвѣщенными, коимъ внити во храмъ нелѣтъ есть: они приносятъ изъ дали обѣты свои богинѣ, и просятъ ее, чтобъ лишила ихъ сей вольности, которая недѣйствительна раждать въ душѣ ихъ желанїя.

Богиня вперяетъ въ дѣвицъ скоромность: прелестное сіе качество умножаетъ цѣну всѣхъ сокровищъ дѣйствиємъ онаго скрываемыхъ.

Но въ сихъ блаженныхъ мѣстахъ имѣть сердечную страсть, открывать свои мысли, и нѣжное любви объявленїе, никогда за стыдъ не почитается, сердце само опредѣляетъ время, когда должно ему сдаться, но сдаться безъ любви вмѣняется въ беззаконїе.

Купидонъ особливо старается споспѣшествовать благополучїю живущихъ во Книдѣ: онъ съ разсмотренїемъ выбираетъ стрѣлы, коими ихъ уязвляетъ. Когда увидитъ погруженную въ печали любовницу мучимую жестокостью своего люовника, извлекаетъ онъ стрѣлу обмоченную въ рѣкѣ забвенїя. Когда узритъ двухъ любовникъ начинающихъ еще любиться, метаетъ безпрестанно на нихъ новыя стрѣлы. А когда примѣтитъ такихъ, въ коихъ любовь ослабѣваетъ, тотъ часъ возобновляетъ ее, или во все истребляетъ: ибо не допускаетъ онъ никогда дойти до послѣднихъ дней истаевающей страсти: никто тамъ посредствомъ омерзѣнїя не оканчиваетъ любви; но наслаждаясь большими приятностями предаетъ забвенїю меньшія.

Купидонъ¹² вынулъ изъ колчана своего ядовитыя стрѣлы поразившія нѣкогда Федру и Арїадну, которыя смѣшенную имѣя любовь съ ненавистью, изъявляютъ силу его, подобно какъ удаляющая молнїя изъявляетъ власть Юпитерову.

Венера даруетъ женскому полу приятность по мѣрѣ вливаемой имъ отъ Купидона любви.

Дѣвицы всякій день приходятъ во храмъ воздавать обѣты свои Венерѣ; они открываютъ тамо не притворно мысли, каковыя питаютъ въ себѣ сердце ихъ. Царица Амаѳунская¹³, говорила одна изъ нихъ, пламя любви, коимъ я къ Фирсиду¹⁴ горѣла, угасло: я не прошу, чтобъ ты разожгла оное опять, нѣтъ, сдѣлай только, чтобъ Иксифиль полюбилъ меня.

Другая тихимъ голосомъ продолжала; всесильная богиня, даждь мнѣ крѣпость, чтобъ я могла скрыть нѣсколько времени предъ пастухомъ любовь мою, дабы тѣмъ усугубить цѣну признанія, которое я учинить предъ нимъ намѣреніе имѣю.

Богиня Киѳирская! восклицала третья; я ищу уединенія, игры подругъ моихъ уже не увеселяютъ меня, можетъ статься, что я влюблена. Ахъ! если я влюблена, то конечно ни въ кого, какъ въ Дафнида¹⁵.

Во время торжественія праздниковъ приходятъ дѣвицы и юноши пѣть имны въ честь Венерѣ; они воспѣвая свою любовь, часто имя ея величаютъ.

Одинъ молодой Книдіянинъ держа любовницу свою за руку пѣлъ тако: О Купидонъ! ты увидѣвши Психію, конечно уязвилъ тѣми же стрѣлами, коими и мое сердце нынѣ поражено: твое щастіе такое было, какъ и мое; ибо ты горѣлъ моимъ пламенемъ, и я восчувствовалъ твои приятности.

Я видѣлъ все то, что описываю. Я былъ во Книдѣ, я увидѣлъ тамо Фемиру и полюбилъ ее, увидѣлъ въ другій разъ, и паче полюбилъ ее. Теперь желаю всю жизнь мою препроводить въ мѣстѣ съ нею во Книдѣ, и буду благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ.

Мы пойдемъ во храмъ, и никогда въ оный не войдетъ любовникъ толь вѣрный; мы пойдемъ въ чертоги Венерины, и я оныя почту чертогами Фемириным¹⁶; пойду на лугъ, нарву цвѣтовъ и украшу оными грудь ея: статься можетъ, что поведу еще ее и въ рощу, въ которой толь многія дороги смѣшиваются; и когда она стезей тѣхъ не распознаетъ. - - - Любовь одушевляющая меня сей часъ, претитъ мнѣ открыть таинства ея.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Есть во Книдѣ священная пещера, въ которой Нимфы обитаютъ и богиня даетъ божественные свои отвѣты: земля не стонетъ

никогда подъ ногами, волосы не поднимаются въ верхъ на головѣ, нѣтъ во все тамо священнослужительницъ, какъ въ Делфахъ, гдѣ Аполлонъ движеть Пиѳію; но Венера сама слушаетъ смертныхъ, не ругаясь ни надеждѣ ихъ, ни страху.

Нѣкоторая непостоянная женщина изъ острова Крита прибыла во Книдъ; она шла окруженная всѣми младыми Книдійцами; она къ одному усмѣхалась, другому шептала на ухо, на третьемъ рукою опиралась, другимъ двумъ кричала, чтобъ слѣдовали за нею: собою была пригожа и весьма хорошо убрана, голосъ имѣла столь прелестный, сколь и глаза. О небо! въ какое смятеніе привела она истинныхъ любовницъ! она предстала предъ дающую отвѣты съ такою гордостію, какъ будто богиня; но вдругъ услышали мы исходящій изъ святилища гласъ: невѣрная, какъ ты дерзаешь съ обманомъ твоимъ приступить къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я съ чистосердечіемъ и искренностію владычествую? я накажу тебя жестокимъ образомъ: отъиму у тебя твои прелести и оставлю сердце твое таковымъ, каково оно есть, ты будешь призывать всякаго, кого ни увидишь; они стануть бѣгать тебя, какъ плачевной тѣни, и ты скончаешь животъ твой обремененная отказами и презрѣніемъ.

По томъ пришла одна безпутная женщина Нокретіянка вся блистающая въ корыстяхъ своихъ любовниковъ. Поди прочь, сказала ей богиня, ты обманываешься, если ты думаешь славиться моимъ владычествомъ: красота твоя показываетъ только, что есть въ ней веселія; но она не производитъ ихъ: сердце твое подобно есть твердому металлу; ты хотя бы сына моего увидѣла, любить его не можешь; поди оказывай благосклонности твои людямъ распутнымъ, кои ихъ желаютъ и вдругъ омерзятъ оными; поди изъясляй имъ прелести, которыя въ одно мгновеніе представляются и на вѣки исчезаютъ, ты только въ презрѣніе приводишь власть мою.

Спустя нѣсколько времени пришелъ богачъ собиравшій подати у царя Лидійскаго. Ты просишь меня о томъ, говорила богиня, чего сдѣлать я не могу, хотя я любви богиня. Снискиваешь ты себѣ красавицъ деньгами для того, чтобъ любить ихъ, но ты не любишь ихъ по тому, что деньгами снискиваешь: сокровища твои бесполезными для тебя не будутъ; они, что ни есть прекраснѣйшаго на свѣтѣ, сдѣлаютъ тебѣ неприятнымъ.

Послѣ того предсталъ молодой Доріяннинъ именемъ Аристей: онъ увидя во Книдѣ прекрасную Камиллу, смертельно влюбился

въ нее, онъ ощущал въ себѣ безмѣрную любовь, и пришелъ просить Венеру, чтобъ могъ любить ее еще больше.

Мнѣ известно сердце твое, отвѣтствовала ему богиня; ты умѣешь любить, я почитаю Камиллу достойную тебя; могла бы я подарить ее самому величайшему въ свѣтѣ царю; но цари не столь достойны ея сколь пастухи.

На конецъ предсталъ я съ Фемирою, богиня сказала мнѣ: нѣтъ ни одного изъ смертныхъ в моей области покорнѣе и преданнѣе тебя; но чего желаешь ты отъ меня? Я не могу сдѣлать тебя влюбленнѣе, ниже Фемиры прекраснѣе: Ахъ! великаа богиня, вскричалъ я, я многочисленныхъ хочу от тебя благодѣяній: даруй, чтобъ Фемира только обо мнѣ помышляла, только на меня взирала, и просыпалась видя меня во снѣ, боялась бы потерять меня, когда нахожусь я предъ ея глазами, ожидала бы меня въ моемъ отсутствіи, и радовалась всегда видя меня предъ собою, но при томъ бы сожалѣла о препровожденныхъ безъ меня часахъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Во Книдѣ бывають священныя игры повсягодно празднуемая; жены ото всѣхъ странъ приезжаютъ туда спорить о превосходствѣ красоты. Тамо царевны и пастушки въ мѣстѣ смѣшаны; ибо одна только красота тамъ побѣду одерживаетъ. Венера сама тутъ предсѣдять, рѣшить споръ ихъ по справедливости; она довольно вѣдаетъ, кто такова изъ смертныхъ щастливѣе, которая больше отъ нее награждена.

Елена многократно тамъ побѣду получила: она торжествовала, когда Оисей похитилъ ее, она торжествовала, когда Пріамовъ сынъ увезъ ее; она торжествовала на конецъ, когда боги по десятилѣтнемъ ожиданіи возвратили ее Менелаю. Сей государь по разсужденію самой богини, и тогда былъ столь щастливый супругъ, сколь и Оисей и Паридъ¹⁷ были прежде щастливые любовники.

Изъ Коринѣа прибыло тридцать дѣвицъ., у коихъ волосы длинными кудрями висѣли по плечамъ. Изъ Саламина десять видѣвшихъ только тридцать разъ путь свой обтекшее солнце. Пятнадцать съ острова Лесва¹⁸, кои другъ со другомъ разговаривали тако: я вся внѣ себя теперь, ничего нѣтъ тебя прекраснѣе,

если Венера воззреть на тебя такими очами какъ я, она почтитъ тебя паче всѣхъ въ свѣтѣ красотъ.

Изъ Милита прѣехали пятьдесятъ женъ: ничто не могло пододбаться бѣлизнѣ лица ихъ и стройности ихъ чертъ; все изъявляло или обѣщало прекрасное тѣло, и боги создавшіе ихъ, ничего бы достойнѣе себя не учинили, если бы не одарили ихъ больше совершенствами, нежели приятностями.

Сто женъ пришло съ острова Кипра. Мы, говорили они, препроводили младость нашу во храмъ Венериномъ, мы жертвовали ей дѣвствомъ нашимъ и стыдливостію, и прелести наши намъ стыда не наносятъ; поступки наши иногда смѣлыя, и всегда вольныя должны предпочитаемы быть рабѣющей безпрестанно стыдливости.

Я видѣлъ дѣвицъ гордаго Лакедемона; одежда ихъ открыта была по сторонамъ от пояса весьма неприлично; однако они оказывали себя скромными, утверждая что они стыдѣнія не нарушали иначе, какъ только по одной любви къ отечеству.

О море, прославившееся толикими кораблекрушеніями! сколь ты умѣешь сохранять драгоценныя вещи ввѣренныя тебѣ! ты стояло неволнуемо когда корабль Арго плылъ со златымъ руномъ по твоимъ чистымъ хребтамъ, и когда пятьдесятъ Колхидскихъ красавицъ тебѣ себя повѣрили, ты имъ покорялось.

Я видѣлъ такъ же подобную богинямъ Орїану¹⁹; всѣ Лидійскія красавицы окружали царицу свою. Она послала предъ собою сто молодыхъ дѣвицъ, которыя принесли Венерѣ въ даръ двѣстѣ талантовъ. Кандавлъ²⁰ прибылъ самъ туда знаменитѣе любовію своею, нежели царскою порфиною: онъ препровождалъ дни и ночи снѣдая взорами своими Орїанины прелѣсти, глаза его разбѣгались по ея прекрасному тѣлу, и никогда не уставали. Ахъ! говорилъ онъ, сколь я щастливъ, но сего кромѣ Венеры и меня, никто не вѣдаетъ; мое щастіе было бы еще больше, если бы оному другіе завидовали. Прекрасная царица! Сбрось сіе суетныя украшенія, скинь сіе скучное покрывало, покажися вселенной, яви цѣну красоты твоя и требу олтарей.

Не далеко оттуда были двадцать Вавилонянокъ облечены въ багряныя одежды шитыя золотомъ, думая, что великолѣпіе умножало ихъ пригожество. Нѣкоторыя изъ нихъ въ знакъ своя красоты носили на себѣ богатства ея приобрѣтенныя.

Далѣе видѣлъ я сто Египтянокъ, у коихъ глаза и волосы были черные, мужья ихъ съ ними же находились и говорили:

законы насъ подвергаютъ вамъ въ честь Исиды; но красота ваша имѣетъ больше власти надъ нами, нежели законы: мы вамъ поминуемся съ такимъ подобострастіемъ, какъ самимъ богамъ; мы щастливѣйшіе въ свѣте невольники. Должность наша есть залогомъ нашей къ вамъ вѣрности; но съ вашей стороны одна только любовь можетъ намъ обѣщать оную.

Не будьте столь чувствительны ко славѣ, которую вы приобрящете во Книдѣ, сколько къ почтению, которое сыскать вы можете въ домѣ вашем у спокойнаго мужа, который, когда вы во внѣшнихъ дѣлахъ упражняетесь, долженъ ожидать въ нѣдрѣ семьи вашей сердца въ домѣ къ нему вами приносимаго.

Нѣсколько женъ прибыло изъ того богатаго города, который отправляетъ корабли свои до концовъ вселенныя; украшенія обременяли гордыя ихъ головы, и казалось, что всѣ части свѣта къ убранству ихъ дань давали.

Десять красавицъ приѣхали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ начнается день; они были дочери Аврорины; и вставали всякій день прежде ее, чтобъ видѣть лице ея; они жаловались на солнце сильнымъ своимъ сіяніемъ скрывающее отъ взора мать ихъ, жаловались на мать свою, что она имъ не иначе, какъ и прочимъ смертнымъ показывалась.

Я видѣлъ въ шатрѣ царицу народа Индійскаго окруженную дочерьми ея, которыя выражали уже надежду достигнуть до прелестей красоты матери своя: евнухи служили ей потупивъ глаза свои въ землю; ибо когда они начали дышать Книдійскимъ воздухомъ, почувствовали сугубое въ себѣ жестокое уныніе.

Кадійскія жены, живущія въ самыхъ послѣднихъ краяхъ земли, пришли такъ же спорить о красотѣ. Нѣтъ ни одной въ свѣтѣ страны, въ которой бы красавица не была почитаема; но честолюбіе ея удовольствоваться можетъ развѣ только самое большее почтеніе.

По томъ явились Книдіянки безъ украшения прекрасны: они въ мѣсто жемчуга и драгоцѣнныхъ рувиновъ имѣли свои приятности. На ихъ главахъ не иное что, какъ одни Флорины дары видны были, и оныя еще достойнѣе тамо быть казались объятій Зеѳира. Одежда ихъ не имѣла другой красоты, кромѣ той, что являла преизрядную стройность тѣла и сдѣлана была собственными ихъ руками.

Между всѣми сими красавицами во все не видно было молодой Камиллы. Она гвоорила: я не хочу ни мало спорить о

превосходствѣ красоты; я довольна, что любезный мой Аристей почитаетъ меня прекрасною.

Діана присутствіемъ своимъ дѣлала сѣи игры славными. Но она приѣзжала не для того, чтобы спорить о красотѣ: ибо богини не сравниваются со смертными. Видѣлъ я ее одну, она была прекрасна, какъ Венера: увидѣлъ ее близъ Венеры, она была уже только Діана.

Никогда не бывало тамо толь великаго позорища: народы отдѣлялись отъ народовъ; глаза странствовали изъ страны въ страну, отъ заходящаго до восходящаго солнца: Книдъ казался быть цѣлою вселенною.

Боги раздѣлили красоту между народами, подобно какъ и естество раздѣлило оную между богинями. Тамо видна была гордая красота Паллады; здѣсь важность и величество Юоны; подалѣ простота Діаны, нѣжность Тетиды, прелестность Грацій, и иногда усмѣшка Венерина.

Казалось, что всякій народъ старался особливимъ образомъ оказать свою стыдливость, и будто всѣ сѣи жены желали казаться взорамъ: одни обнажали шею и прикрывали плеча; другіе открывали плеча и не обнажали шеи; тѣ, у коихъ не видно было ногъ, казали въ мѣсто того другія прелести; и въ одномъ мѣстѣ почиталось то за стыдъ, что въ другомъ благопристойностью называется.

Боги такъ плѣнились Темеирою, что они никогда не взираютъ безъ улыбки на свое твореніе. Изъ всѣхъ богинь нѣтъ ни одной кромѣ Венеры, которая смотритъ на нее съ удовольствіемъ, и которой боги не попрекаютъ ни мало ревнивостію.

Сколь примѣтна роза между цвѣтами растущими на полѣ, столь отличалась Темира ото всѣхъ красавицъ. Они не имѣли времени быть ей соперницами, будучи побѣждены прежде, нежели бояться ее начали. Лишь только она явилась, Венера на нее одну глядѣла. Она призвала Грацій, сказала имъ: увѣнчайте ее изъ всѣхъ красавицъ мною зримыхъ, она одна вамъ подобна.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Темира отправляла съ подругами своими служеніе богинѣ, а я пошелъ во уединенную рощу и нашелъ тамо нѣжнаго Ари-

стея²¹. Мы видѣлись въ тотъ день, какъ ходили просить совѣта у Оракула; сего было для насъ довольно, чтобъ намъ вступити въ разговоръ; ибо Венера въ присутствіи Книдійскаго жителя вливаетъ тайную привязанность въ сердце двоихъ друзей, кои столпясь въ мѣстѣ не долгой разлукѣ, взираютъ на любезный предмѣтъ своихъ безпокойствій.

Обрадованы другъ другомъ, чувствовали мы сердце наше расширяющееся; казалось, что нѣжная дружба сама сошла съ неба, и въ насъ избрала себѣ обиталище. Мы рассказывали взаимно многія вещи случившіяся въ нашей жизни; вотъ все почти, что я ему говорилъ:

Родился я въ Сиварѣ, гдѣ отецъ мой Антилохъ²² былъ жрецомъ Венеринымъ. Въ семъ городѣ нѣтъ никакого различія между сладострастіемъ и нуждами; изгнаны тамо всѣ искусства могущія нарушить спокойный сонъ; даются на щетъ общества награжденія изобрѣтателямъ новыхъ способовъ сластолюбія; граждане содержатъ въ памяти только однихъ скомороховъ, которые ихъ забавляли, а градоначальниковъ, кои правили ими, во все предають забвенію.

Плодородіе земли производящее безпрестанное изобиліе тамо во зло употребляютъ, и божія благодѣянія изливаемыя на Сивару служатъ только ко умноженію роскоши и питанію нѣги.

Мужчины такъ слабы, уборъ ихъ такъ подобенъ женскому, такъ о цвѣтѣ лица своего стараются, съ толикимъ искусствомъ волосы свои убираютъ, столько времени разглядывая себя просиживаютъ предъ зеркаломъ, что кажется одинъ полъ во всемъ городѣ обитаетъ.

Жены тамъ не отдаются, но самовольно приходятъ; каждый день видитъ окончаніе желаній и надежды раждающейся въ каждый день; они не знаютъ, что такое есть любить и быть любиму; а упражняются только въ томъ, что ложно у нихъ называется наслаждаться.

Склонности любви тамо ничего больше не имѣютъ, какъ самую только свою существенность; а всѣ околичности совокупаемыя съ ними такъ хорошо; всѣ сїи многоцѣнные бездѣлки, обязательства, которыя кажутся всегда больше, мѣлкости сїи толь драгія, и все, что приуготовляетъ щастливую минуту, толь многія побѣды въ мѣсто одной, тоλικое число веселостей вкушаемыхъ прежде послѣдней; все сїе не извѣстно у Сиваритянь.

Но если бы имѣли они хотя бы малѣйшую скромность; сіе слабое изображеніе добродѣтели могло бы еще нравиться: но нѣтъ, очи ихъ все видѣтъ, и уши все слышать приобыкли.

Многочисленныя веселія не допускаютъ Сивариянъ узнати вкусъ нѣжности; они не могутъ различать одного чувствованія съ другимъ.

Они препровождаютъ жизнь свою только во внѣшнихъ веселостяхъ: отстаютъ отъ одного наскучившаго имъ увеселенія для другаго, которое такъ же скоро наскучитъ; все вымышляемое ими бываетъ новою причиною омерзѣнія ихъ.

Духъ ихъ не способенъ будучи ощущать веселія, кажется не можетъ въ тонкость разбирать ничего, кромѣ мученій: нѣкто изъ гражданъ безпокоился цѣлую ночь отъ одного розоваго листочка свернувшася на его постели.

Роскошь привела тѣло ихъ въ такое безсиліе, что не могутъ они подвигнуть нималѣйшаго бремени; они едва въ состояніи на ногахъ держаться; самыя спокойныя колесницы приводятъ ихъ въ слабость; а когда на пирахъ бываютъ, желудокъ повсеминутно имъ измѣняетъ.

Они препровождаютъ жизнь свою на креслахъ нарочно сдѣланныхъ отлого, гдѣ принуждены покоиться во весь день не имѣя никакихъ трудовъ: а на всякомъ другомъ мѣстѣ чувствуютъ крайнее расслабленіе членовъ.

Не способны къ ношенію тяжести оружія, робки предъ своими согражданами, боязливы предъ чужестранцами, и готовы быть рабами того, кто первый господиномъ ихъ сдѣлаться пожелаетъ.

Лишь только научился я разсуждать, тотъ часъ возымѣлъ омерзѣніе къ злощастнымъ Сиваритянамъ. Я люблю добродѣтель и боюсь всегда безсмертныхъ боговъ. Нѣтъ, говорилъ я, я не стану питаться больше симъ тлетворнымъ воздухомъ: всѣ сіи невольники роскоши сотворены для того, чтобъ жить имъ во своемъ отечествѣ, а я созданъ, чтобъ оное оставить.

Пришелъ я въ послѣдній разъ во храмъ, и подошедъ къ алтарямъ, на коихъ отецъ мой приносилъ многократно жертвы, возопилъ велѣимъ гласомъ: великая богиня! я оставляю твой храмъ, а не служеніе твое: въ какой бы странѣ свѣта я ни былъ, вездѣ воскурю тебѣ ѳиміамъ; но онъ будетъ чище приносимаго тебѣ въ Сиварѣ.

Отправился я, и прибылъ въ Критъ. Сей островъ преисполненъ достопамятными вещьми сооруженными въ честь любви. Тамо

сдѣланъ былъ изъ мѣди быкъ трудомъ Дедаловымъ для обмана или для удовольствованія заблужденій Пасифайныхъ²³; Лавиринтъ, коего хитрость одна любовь преодолѣть умѣла²⁴; гробъ Федры приведшей во удивленіе солнце, подобно какъ и мать ея, и храмъ Аріадны, которая оставлена будучи въ мѣстахъ пустыхъ и отвергнута отъ неблагодарнаго, не приходила въ раскаяніе о томъ, что за нимъ слѣдовала.

Тамо состоены были чертоги Идоменеевы²⁵, коего возвращеніе не больше было щастливо, какъ и другихъ Греческихъ полководцовъ²⁶; ибо спасшіеся отъ гнѣвной стихіи, нашли домъ свой еще для себя погибельнѣе. Раздраженная Венера предала ихъ въ объятія вѣроломныхъ супруговъ, и они погибли отъ руки почитавшейся ими любезнѣйшею²⁷.

Я оставилъ сей островъ толь противный богинѣ, которой надлежало сдѣлать нѣкогда мое благополучіе.

Сѣлъ я на корабль, и сильнымъ вѣтромъ занесенъ былъ въ Лесвъ²⁸. Сей островъ такъ же не весьма любила Венера; она отняла стыдъ отъ лица женъ, слабость отъ тѣла и робкость отъ души ихъ. Великая богиня! даруй Лесвійскимъ женамъ горѣть законнымъ жаромъ; избави человѣческое естество отъ толикаго ужаса.

Митилина есть столичный въ Лесвъ городъ отечество нѣжной Сафы, столь безсмертной, какъ и Музы. Сія несчастная дѣвица пылаетъ неугасимымъ пламенемъ. Сама къ себѣ имѣетъ омерзѣніе, находя во своихъ веселіяхъ скуку; ненавидитъ своего пола, но онаго всегда ищетъ. Какъ, говоритъ она, столь суетно пламя можетъ ли быть столь жестоко? Любовь! ты стократно опаснѣе въ то время, когда ты играешь, нежели когда свирѣпствуешь.

На конецъ оставилъ я Лесвъ, и принесенъ былъ рокомъ еще въ безчестнѣйшій островъ называемый Лимнъ²⁹. Венера тамо храма не имѣла, и Лимніяне обѣтовъ ей никогда не возсылали. Мы отвергаемъ, говорили они, служеніе умягчающее сердца. Богиня часто ихъ за то наказывала; но они не раскаяваясь о своемъ грѣхѣ ту казнь сносили, беззаконствуя всегда тѣмъ паче, чемъ больше угнѣтаемы были³⁰.

Я пустился опять въ море ища непрестанно какой нибудь любезной богамъ страны; вѣтры занесли меня въ Дилъ³¹. Я въ семъ священномъ островѣ нѣсколько мѣсяцовъ пробылъ. Но боги предваряютъ ли насъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, или душа наша имѣетъ отъ божества произведшаго оную нѣкое слабое

понятіе о будущемъ, почувствовалъ я, что судьба приготавлила для меня другое мѣсто.

Въ одну ночь, когда я покоился, и душа, какъ обыкновенно бываетъ, имѣла больше вольности, и будто свободу отъ оковъ ее въ плѣну содержащихъ; явилась мнѣ, не зналъ я тогда, смерная ли, или богиня. Тайная нѣкая приятность блистала по всему ея лицу: она не была столь прекрасна какъ Венера, однако подобно ей восхищала сердце: черты ея всѣ не были совершенны, но всѣ въ мѣстѣ обавали зрящихъ: не находилось въ ней того, чтобы въ изумленіе приводило, но все было прелестно: волосы ея висѣли по плечамъ съ небрежніемъ, но небреженіе сіе было любезно: станъ былъ у нее прекрасный, и таковъ видъ, каковъ одно естество даруетъ, скрывая тайность онаго и отъ самыхъ живописцевъ. Она увидѣвъ мое удивленіе, усмѣхнулась. Боги! какая усмѣшка! я вторая изъ Грацій³², сказала она мнѣ голосомъ проникающимъ сердце: Венера пославшая меня хочетъ сдѣлать тебя щастливымъ; но должно ити тебѣ поклониться ей во храмѣ ея Книдійскомъ. Она ушла; мои объятія за нею стремились; сонъ мой съ нею исчезъ; и мнѣ осталось одно приятное сожалѣніе, что ее больше не вижу, совокупленное съ тѣмъ удовольствіемъ, что ее видѣлъ.

И такъ оставивъ я островъ Дилъ, прибылъ во Книдъ. Могу сказать, что тотъ же часъ началъ я дышать любовію. Я ощущалъ, но что ощущалъ, того изобразить подлинно я не въ состояніи. Я еще не любилъ, но старался любить: сердце мое воспламенялось, какъ будто видя предъ собою божественную нѣкую красоту. Я продолжая путь свой, усмотрѣлъ изъ дали младыхъ дѣвицъ играющихъ на лугу, и тотъ часъ былъ къ нимъ влекомъ. Какъ я не разумень, говорилъ самъ въ себѣ, я безъ любви имѣю всѣ любовныя заблужденія; сердце мое стремится теперь къ незнакомымъ предмѣтамъ; и сіи предмѣты причиняютъ ему безпокойствіе. Подходя я ближе, узрѣлъ прекрасную Θεмиру; конечно мы другъ для друга сотворены; я только на нее одну смотрѣлъ, и я думаю, умеръ бы отъ печали, если бы она нѣсколько взоровъ на меня не обратила. Великая богиня! возопилъ я, когда хочешь подарить мнѣ щастіе, соедини оное съ сею пастушкою: я ото всѣхъ другихъ красавицъ отрицаюся; она одна твои обѣщанія и всѣ желанія мои совершити можетъ.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Я объявилъ о моей нѣжной любви младому Аристею; сей вздохалъ вспомнивъ о своей; я облегчилъ его сердце, прося его, чтобы мнѣ объ оной рассказалъ. Вотъ, что онъ отвѣчалъ: я ничего не позабуду; ибо получилъ я вдохновеніе отъ того бога, который побудилъ меня о томъ говорить.

Вся повѣсть сія будетъ весьма проста: похожденія мои есть не иное что, какъ только чувствованія нѣжнаго сердца, только увеселенія и мученія мои; и какъ любовь моя къ Камиллѣ заключаетъ въ себѣ все мое щастіе, то и все повѣствованіе жизни моей въ томъ состоитъ:

Камилла есть дочь главнаго изъ жителей Книдійскихъ; она прекрасна; лице ея впечатлѣвается въ сердцѣ всѣхъ; жены мольбы приносящія просятъ боговъ, чтобъ дали имъ приятность Камиллину; мужчины увидѣвшіе ее, желаютъ всегда видѣть ее, или боятся смотрѣть на нее больше.

Станъ ея прерасный, видъ благородный, но скромный, глаза живые и нѣжностью наполненные, черты нарочно одна для другой сдѣланы, всѣ прелести не примѣтно для мученія сердець устроены.

Камилла не старается никогда о народѣ³³, но всегда лучше другихъ женъ убрана.

Она одарена разумомъ, коего естество почти всегда лишаетъ красавиць; она равно способна къ важнымъ, какъ и къ забавнымъ дѣламъ. Если изволишь, она будетъ разсуждать благоразумно; и если изволишь, подобно, какъ и Граціи увеселять тебя станеть.

Чемъ кто умнѣе, тѣмъ больше ума найдетъ въ Камиллѣ. Въ ней такая царствуетъ откровенность, что кажется, будто само сердце ее говоритъ. Всѣ слова и дѣйствія кажутъ приятный видъ простоты; она представляетъ въ себѣ всегда чистосердечную пастушку. Приятность, остроту и нѣжность ея больше чувствовать, нежели изобразить можно.

Со всѣмъ тѣмъ Камилла меня любитъ: видя меня радуется, а разставаясь со мною печалится, и понуждаетъ меня обѣщаться опять къ ней прийти, какъ будто бы я безъ нее жить могъ. Я говорю ей всегда, что люблю ее, она мнѣ вѣритъ; говорю, что обожаю ее, она то знаетъ; но радуется, какъ будто бы она того не знала. Когда ей сказываю, что она есть щастіе жизни моей, отвѣтствуетъ,

что я есмь благополуїе жизни ея. На конецъ столько она меня любить, что почти меня увѣряетъ, что я достоинъ ея любви.

Уже было тому съ мѣсяцъ, какъ я видя Камиллу, не смѣлъ открыть ей любви своей, да почти и самому себѣ сказать того боялся: чемъ достойнѣе любви находилъ я ее, тѣмъ меньше надѣялся сдѣлать ее чувствительною. Камилла! твои прелести меня заразили; но они и увѣряли меня, что я тебя не стою.

Я старался вездѣ тебя забыть; хотѣлъ изъ сердца моего истребить достойный почитанія твой образъ: сколько я щастливъ! что не могъ въ томъ успѣха получить; образъ сей въ ономъ остался, и пребудетъ тамо во вѣки.

Говорилъ я Камиллѣ: мнѣ приятенъ былъ свѣтскій шумъ, а нынѣ ищу уединенія; имѣлъ я честолюбивые намѣренія, а нынѣ одного твоего присутствія желаю; хотѣлъ по отдаленнымъ мѣстамъ странствовать, а нынѣ сердце мое только тамъ жить можетъ, гдѣ ты обитаешь: все то, что не ты, изъ глазъ моихъ исчезло.

Камилла изъясняясь предо мною во своей нѣжности и еще думала, что не все мнѣ рассказала; казалось ей, что она позабыла то, въ чемъ сто разъ уже мнѣ клялась. Я столь страстенъ былъ ее слушать, что многократно притворялся, будто я ей не вѣрю, дабы больше еще сердце мое тронула: вдругъ владычествовало между нами приятное безмолвіе, которое есть нѣжнѣйшій разговоръ любовниковъ.

Когда былъ я въ отсутствіи отъ Камиллы, отдаю ей отчетъ въ томъ, что я видѣлъ, либо слышалъ. О чемъ разговариваешь ты со мною, прерываетъ она рѣчь мою? Говори мнѣ о нашей любви: или если нѣчего тебѣ вздумать, если нѣчего сказать мнѣ, дозвожь жестокой мнѣ говорить.

Иногда обнимая она меня говоритъ мнѣ: ты печаленъ: конечно такъ, отвѣтствую я ей; но печаль влюбленныхъ приятна: текутъ изъ очей моихъ слезы, а для чего, я не знаю, ибо ты меня любишь, я не имѣю никакой причины жаловаться, но жалуясь: не отнимай отъ меня унынія моего, дай мнѣ вздыхать теперь о мученіяхъ и о веселіяхъ моихъ.

Въ любовныхъ восхищеніяхъ духъ мой тревожился чрезмѣрно влекомъ ко щастію своему не наслаждаясь онымъ: а нынѣ на противъ того и печаль мнѣ приятна. Не отирай слезъ моихъ: нѣтъ нужды, что я плачу, лишь бы я щастливъ былъ.

Иногда Камилла говоритъ мнѣ; люби меня: конечно я люблю тебя: но какъ ты меня любишь? Ахъ! говорю я ей, люблю тебя,

какъ любилъ; ибо не могу я уподобить любви моей ни чему другому, какъ только той любви, которую всегда къ тебѣ имѣлъ.

Я слышу, что всякъ Камиллу хвалить, кто ее знаетъ; сіи похвалы столько мнѣ чувствительны, какъ бы они собственно до меня касались; и я нахожу въ нихъ большее удовольствіе, нежели она сама.

Когда кто случится съ нами, она говоритъ такъ разумно, что восхищаетъ меня всякое ея слово; но мнѣ бы еще приятнѣе было, если бы она ничего не говорила.

Когда обходится она съ кѣмъ дружно, тогда бы я желалъ самъ быть тѣмъ, съ кѣмъ она дружно обходится; но вдругъ мысли мои отвращаю, думая, что она бы меня не любила.

Берегись Камилла обмановъ любовниковъ; они будутъ говорить тебѣ, что любятъ тебя, и будутъ говорить правду; они скажутъ, что столько тебя любятъ, сколько и я; но я кленуся богами, что люблю тебя больше.

Когда вижу ее изъ дали, умъ во мнѣ мѣшается: приближается она, сердце мое трепещетъ: подхожу къ ней, кажется, что душа моя съ тѣломъ моимъ растается, что она не моя, а душа Камиллина, и что сія оную оживотворяетъ.

Хочу иногда похитить у нее какуюнибудь ласку: она отказываетъ, и въ то же мгновеніе ока награждаетъ меня другою. Сіе дѣлаетъ она не отъ хитрости, но борима стыдливостью и любовію своею: желала бы во всемъ мнѣ отказать, и ничего меня не лишитъ.

Не довольно ли для тебя, говоритъ она мнѣ, что я тебя люблю? Чего ты больше, имѣя сердце мое, желать можешь? Я желаю, отвѣтствую ей, чтобъ ты учинила для меня тотъ проступокъ, къ которому любовь приводитъ, и который сильная любовь извиняетъ.

Камилла, если я тебя любить когда перестану, то пускай Парка обочтется, и сочтетъ сей день послѣднимъ днемъ живота моего! Пускай прекратитъ она вѣкъ мой, котораго остатки были бы мнѣ несносны, если бы мнѣ пришли тогда на мысль веселія услаждавшія меня во время любви моей.

Аристей вздохнулъ и замолчалъ, и я примѣтилъ, что онъ для того пересталъ говорить о Камиллѣ, чтобъ думать о ней.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Разговаривая о нашей любви, мы съ дороги сбились; и бродя долгое время, вышли на пространный лугъ: распещренный цвѣтами путь привелъ насъ къ подошвѣ ужасной каменной горы. Увидѣли мы темную пещеру и вошли въ нее, думая, что то жилище есть кого нибудь изъ смертныхъ. О небо! кто бы помыслить могъ, чтобъ сіе мѣсто столь пагубно было! Лишь только вступилъ я въ оное, все тѣло мое встрепетало, волосы поднялися на головѣ. Невидимая рука влекла меня въ сіе несчастное обиталище: сердце мое отъ часу больше и больше терзалось. Другъ мой! вскричалъ я, войдемъ далѣе, хотя мы и умножимъ тѣмъ мученія наши. Продолжаю путь, куда солнечный свѣтъ никогда не входилъ, и гдѣ вѣтры никогда не вѣяли. Тамо увидѣлъ я ревнивость; видъ ея былъ больше угрюмъ, нежели ужасенъ: блѣдность, печаль, молчаніе ее окружали, и скуки во кругъ ее летали. Она дунула на насъ, положила намъ на сердце руку, ударила насъ по головѣ, и мы не видѣли, и не воображали больше ничего, кромѣ чудовища. Войдите далѣе, сказала она намъ, несчастные смертные; пойдите къ сильнѣйшей меня богинѣ. Мы увидѣли ужасное божество при сіяніи пламенныхъ языковъ: змѣи шипящія на главѣ онаго изъявляли, что то бѣшенство. Оно сорвавъ съ себя одну змѣю бросило на меня: я хотѣлъ ее схватить, но она вдругъ, такъ что я и не чувствовалъ, вползла въ мое сердце. Я стоялъ нѣсколько времени въ изумленіи; а какъ ядъ по жиламъ моимъ разлился, казалось мнѣ, что я былъ по среди ада: духъ мой воспалился, и отъ лютости сего пламени едва въ тѣлѣ держаться могъ; я такъ терзался, какъ будто поражаемый ударами фурій. Изступленіе нами овладѣло; мы сто разъ и больше обѣжали во кругъ сію пространную пещеру, стремясь от ревности къ бѣшенству, а отъ бѣшенства къ ревности: мы кричали: Оемира! мы кричали: Камилла! и еслибы попалась намъ тогда Оемира или Камилла, мы бы разстерзали ихъ собственными своими руками. Наконецъ вышли мы на дневный свѣтъ; онъ казался намъ противнымъ, и мы почти сожалѣли о той ужасной оставленной нами пещерѣ. Безпокойство повергло насъ на землю; но и сей покой былъ намъ несносенъ. Глаза наши слезъ болѣе не выпускали, и сердца не могли уже производить вздоховъ.

Однако я на малое время успокоился: сонъ началъ окроплять меня сладкою своею росою. О боги! и сонъ сей мучительнымъ сдѣлался. Представлялись мнѣ тогда виды ужаснѣе для меня блѣдныхъ тѣней: просыпался я всякую минуту зря невѣрность Оемирину; мнѣ казалось, то она. - - - Нѣтъ, не смѣю еще сего сказать; словомъ: кои страшилища воображалъ я на яву, тѣ всѣ видѣлъ живо въ семъ ужасномъ снѣ.

Пробудившись говорилъ я: и такъ должно мнѣ убѣгать равно темноты, какъ и свѣта. Оемира, жестокая Оемира гонитъ меня подобно фуріямъ. Кто бы могъ подумать, что я щастіемъ сочту позабыть ее на вѣки.

Бѣшенство мое опять ко мнѣ возвратилось: другъ мой! кричалъ я, встань, истребимъ стада пасущіяся на семъ лугу: погонимся за сими пастухами, коихъ любовь столько спокойна. Но нѣтъ, я вижу въ дали храмъ; можетъ быть то храмъ любви: пойдѣмъ разрушимъ оный, сокрушимъ кумиръ его, покажемъ ему страшную нашу ярость. Мы побѣжали, и казалось, что стремленіе къ совершенію сего злодѣйства новыя намъ силы придавало: пробѣжали мы чрезъ лѣса, луга и поля ни мало не останавливаясь, холмъ возвышался тщетно; мы взошли на оный, вошли во храмъ, онъ посвященъ былъ Вакху. О коль велика власть божія! бѣшенство наше тотъ часъ усмирилось. Мы другъ на друга смотрѣли, и съ удивленіемъ увидѣли бывшій въ насъ безпорядокъ.

Всемогуцій боже! возопилъ я, я не столько благодарю тебя за усмиреніе бѣшенства моего, сколько за избавленіе меня отъ толикаго злодѣянія. И приступивъ ко священнослужительницѣ говорилъ: мы любимы богомъ, коему ты служишь; онъ усмирилъ незапно бывшее въ насъ безуміе; лишь вошли мы сюда, вдругъ присутствующую благодать его ощутили: мы желаемъ принести ему жертву, соверши ты оную за насъ божія служительница! пошелъ я искать приношенія, принеся и повергъ предъ ея ногами.

Между тѣмъ какъ приготовлялась она дать смертоносный жертвѣ ударъ, Аристей произнесъ слѣдующія слова: божественный Вакхъ, тебѣ приятно видѣть радость на лицѣ чловѣкъ; наши веселія есть приятнымъ тебѣ служеніемъ, и тебя обожаютъ одни только благополучнѣйшіе въ свѣтѣ смертные.

Иногда ты нечувствительно приводишь разумъ нашъ въ заблужденіе; однако если когда какое жестокое божество отъиметь у насъ оный, то ты одинъ можешь намъ паки возвратить.

Лютая ревнивость держитъ любовь въ неволѣ; но ты лишаешь ее власти, которую беретъ она надъ нашими сердцами, и прогоняешь въ ужасное ея жилище.

По совершеніи жертвы, весь народъ собрался во кругъ насъ, и я рассказывалъ жрицѣ, какъ мы мучимы были въ жилищѣ ревнивости. Вдругъ услышали мы великій шумъ, и множество голосовъ соединенныхъ съ мусикійскими орудіями. Мы вышли изъ храма, и увидѣли сонмъ идущихъ Вакхантъ: жены сіи ударяли въ землю своими Оирсами увязанными вѣнками, вопія громко; Евое³⁴! старый Силинъ³⁵ сѣдши на своего осла слѣдовалъ за ними: голова его была преклонена къ землѣ; и какъ скоро поддерживать его оставляли, то онъ со стороны въ сторону, будто наблюдая равномѣрїе, качался; лице у всего сонмища виноградными остатками вымарано было. Панъ явился со свирѣлью своею; и Сатиры царя своего окружали. Веселье и беспорядокъ царствовали; приятное буйство смѣшивало въ мѣстѣ игры, шутки, плясанія и пѣсни. На конецъ увидѣлъ я Вакха; онъ сидѣлъ на своей колесницѣ тиграми везомой таковъ, какова его Гангъ видѣлъ на краю свѣта веселіе и побѣду повсюду распростирающаго.

Съ нимъ въ мѣстѣ сидѣла тутъ же прекрасная Арїадна. Царевна! ты и тогда еще жаловалась на Оисееву невѣрность, когда Вакхъ взявъ вѣнецъ твой, вознесъ оный на небо. Онъ отиралъ слезы твои. Если бы ты неперестала плакать, ты бы сдѣлала бога несчастнѣе себя, будучи тогда еще смертною. Онъ тебѣ говорилъ: люби меня; Оисей убѣгаетъ, не воспоминай больше о любви его, истреби изъ памяти и вѣроломство его. Я въ залогъ вѣчной моей къ тебѣ любви учиню тебѣ безсмертною.

Видѣлъ я Вакха съ Арїадною сошедшаго съ колесницы; она вошедши въ храмъ возопила: возлюбленный богъ! останемся въ сихъ мѣстахъ, и будемъ здѣсь дышать любовію нашею. Пускай въ сей приятной странѣ вѣчное водворяется веселіе. Царица сердець утвердила здѣсь владычество свое, съ нею и богъ веселія здѣсь же царствуетъ, умножая щастіе народа сего, столько уже благополучнаго.

Я же, великій богъ! я чувствую, что люблю тебя непомѣрно. Какъ? ты можешь нѣкогда показаться мнѣ еще больше любезнымъ? Одни только безсмертные въ состоянїи любить безмѣрно, и любить часъ от часу больше; они одни больше получаютъ, нежели надѣются; они больше ограничены въ желанїи своемъ, нежели въ наслажденїи.

Ты будешь здѣсь вѣчнымъ предметомъ любви моя. Въ небесныхъ селеніяхъ о славѣ своей точію пекутся, а на землѣ и въ поляхъ въ любви упражняются; и когда сонмъ сей вдастся в безумное веселіе, радость моя, мои вздохи и самыя слезы мои будутъ напоминать тебѣ безпрестранно любовь мою.

Богъ усмѣхнувшись къ Ариднѣ, повелѣе ее во святилище. Радость овладѣла вдругъ нашими сердцами: мы чувствовали нѣкое божественное смущеніе, восхищены будучи Силиномъ и изумленіемъ Вакхантъ, взяли мы и сами Өирсъ въ руки, и въ мѣстѣ съ ними плясали и пѣли пѣсни.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Мы оставили мѣста посвященные Вакху; но вскорѣ ощутили, что мученія наши были успокоены только на время. Правда, мы не имѣли такого бѣшенства, какое терзало насъ прежде; но угрюмая печаль духъ нашъ объяла, и снѣдали насъ сумнѣнія и безпокойства.

Казалось намъ, что жестокія богини для того насъ терзали, чтобъ могли мы предчувствовать злощастія, коимъ подвержены были судьбою.

Иногда сожалѣли мы о Вакховомъ храмѣ, а иногда влекомы были ко Книдійскому: мы желали видѣть Өемиру и Камиллу. Сіи два сильные любви и ревности нашей предметъ.

Но мы никакой веселости не ощущали, которую чувствуетъ обыкновенно тотъ, кто надѣется съ любимымъ предметомъ опять увидѣться вскорѣ, духъ его тогда уже восхищается, и почти напередъ вкушаетъ то щастіе, котораго будущимъ полученіемъ себя ласкаетъ.

Можетъ статья, говорилъ Аристей, что я найду пастуха Лика съ Камиллою; по чему знать мнѣ, не разговариваетъ ли онъ съ нею въ самой сей часъ? О боже мой! невѣрная слушаетъ его съ удовольствіемъ.

Сказывали нѣкогда, продолжалъ я рѣчь мою; что Өирсій любившій столько Өемиру, долженъ скоро прибыть во Книдъ; онъ любилъ ее, безъ сумнѣнія и нынѣ онъ любитъ ее; надобно будетъ мнѣ спорить съ нимъ о такомъ сердцѣ, которое почиталъ я со всѣмъ моимъ.

Въ нѣкоторое время Ликъ воспѣвалъ похвалы моей любезной Камиллѣ: сколько былъ я неразуменъ! я восхищался слыша, что онъ ее величаетъ. Помню что Оирсѣй принесъ Оемирѣ моей молодые цвѣты: о какъ я несчастливъ! Она украшала ими грудь свою, промолвивъ: сей подарокъ Оирсѣевъ. Ахъ! мнѣ бы надлежало было исторгнуть ихъ, бросить и попать своими ногами.

Не давно ходилъ я съ Камиллою, чтобъ принести Венерѣ на жертву двоихъ горлицъ; они вырвались изъ рукъ моихъ и улетѣли на воздухъ.

Я написалъ было на деревьяхъ мое и Оемирино имя; написалъ любовь мою: я читалъ то и перечитывалъ не престаю: но утромъ нѣкогда нашелъ я все соскоблено.

Камилла, не приводи въ отчаяніе несчастнаго любящаго тебя; раздражаемая любовь можетъ пуститься на всѣ дѣйствія ненависти.

Перваго Книдйца, который возреть на мою Оемиру, я пожену до самаго храма; войду за нимъ туда, и накажу его, хотя бы онъ припалъ къ самимъ ногамъ Венеринымъ.

Между тѣмъ пришли мы ко священной пещерѣ, въ которой богиня даетъ проищанія. Народъ подобенъ былъ волнамъ колеблемаго моря: одни получа отвѣты выходили, а другіе входили принимать оныя.

Замѣшавшись въ толпѣ я потерялъ благополучнаго Аристеея: онъ держалъ уже въ объятіяхъ свою Камиллу, а я искалъ еще моей Оемиры.

На конецъ нашелъ я ее. Ревнивость моя при ея взорѣ усугубилась, я почувствовалъ обновившееся во мнѣ прежнее бѣшенство: но она взглянула на меня, и я успокоился. Такъ то боги отсылаютъ обратно во адъ фурій оттуда выходящихъ.

О боги! говорила она мнѣ, сколько ты слезъ извлекъ изъ очей моихъ! солнце три раза совершило теченіе свое; я боялась не лишилась ли уже тебя на вѣки: слова сіи привели меня въ трепетъ. Я ходила по прорицалищу; но не о томъ вопрошала тамо любишь ли ты меня? увы! я желала только знать, живъ ли ты еще? Венера отвѣтствовала: что ты всегда любишь меня.

Прости несчастнаго, отвѣчалъ я ей, который возненавидѣлъ бы тебя, еслибы сердце его учинить то въ состояніи было. Боги, въ коихъ власти я состою, могутъ лишить меня разума: сіи боги, Оемира! любви моей къ тебѣ погасить не могутъ.

Свирѣпою ревнивостію былъ я терзаемъ подобно, какъ во адѣ мучатся грѣшныя души. Изъ сего имѣю я ту пользу, что послѣ жестокаго состоянія, въ которое ввернулъ было меня страхъ, чтобъ не лишиться тебя на вѣки, ощущаю теперь вящше то щастіе, что я тобою любимъ.

Пойдемъ теперь со мною, пойдемъ въ сію уединенную рощу; тутъ надлежитъ мнѣ силою любви очиститься отъ содѣянныхъ мною погрѣшеній; почитать тебя Θεмира невѣрною, есть великое прегрѣшеніе.

Ни Елисейскія поля уготованныя богами для успокоенія возлюбленныхъ ими душъ; ни Додонскіе лѣса³⁶ возвѣщающіе смертнымъ о будущемъ ихъ блаженствѣ; ниже Есперидскіе сады, въ коихъ вѣтви подъ бременемъ золотыхъ плодовъ къ землѣ преклоняются, не были столько прелестны, сколько сія роща прекрасна присутствіемъ Θεмиринымъ.

Я помню, что Сатиръ гнавшійся за Нимфою бѣжавшей отъ него въ слезахъ, увидя насъ остановился. Блаженны любящіеся! вскричалъ онъ: ваши глаза другъ друга разумѣть и другъ другу отвѣтствовать умѣютъ; ваши вздохи награждаются взаимными вздохами; а я препровождаю жизнь мою на слѣдахъ жестоко-сердой пастушки; несчастенъ я, когда гонюсь за нею, но еще несчастнѣе, когда ее настигаю.

Молодая Нимфа находившаяся одна въ сей рощѣ, узрѣвши насъ вздохнула. Нѣтъ, молвила она: мучительная любовь, представляетъ очамъ моимъ толь нѣжнаго любовника не для инаго чего, какъ только для усугубленія моихъ мученій.

Мы нашли Аполлона сидящаго при источникѣ. Онъ слѣдовалъ за Діаною, которую робкая дикая коза завела въ сію рощу. Я узналъ его по русымъ его волосамъ, и по окружавшей его божественной дружинѣ. Онъ настроивалъ лиру свою привлекающую камни, ведущую древа въ слѣдъ за собою, и львовъ дѣлающую неподвижными; но мы пошли далѣе въ рощу, тщетно приглашаемы симъ божественнымъ струнъ согласіемъ.

Гдѣбъ вы думали нашелъ я любовь? нашелъ оную на Θεмириныхъ устахъ; по томъ нашелъ на ея груди; скрылась она къ ногамъ ея, но я и тамо достигалъ ее: спряталась къ ней подъ колѣни, я погнался за нею, и не пересталъ бы гнаться, если бы Θεмира вся въ слезахъ, Θεмира разгнѣванная меня не удержала. Любовь нашла себѣ самое послѣднее убѣжище: оное столь прекрасно, что любовь покинуть его не можетъ, подобно какъ нѣжная

горлица страхомъ и любовію влекома по птенцамъ своимъ, видя простирающуюся къ ней хищную руку, пребываетъ неподвижна и оставить ихъ не хочетъ.

Какъ я безщастенъ! Оемира слышала жалобы мои, и ни мало не приходила въ жалость: внушала прошенія мои, но паче еще ожесточалась. На конецъ я сдѣлался дерзновеннымъ; она вознегодовала, я трепеталъ; она показывалась гнѣвною, я проливалъ слезы; она отдаляла меня отъ себя; я упалъ и чувствовалъ, что вздохи мои были бы послѣдними въ семъ мирѣ вздохами, если бы Оемира возложеніемъ десницы своея на мое сердце не возвратила ему жизни.

Нѣтъ, сказала она, я не такъ свирѣпа, какъ ты; никогда не желала умертвить тебя, но ты хочешь вовлещи меня во мрачный гробъ.

Открой омертвѣвшіе твои очи, если не хочешь, чтобъ мои вѣчно закрылися.

Она приняла меня въ свои объятія, и я получилъ милость. Увы! безъ надежды сдѣлаться виновнымъ.

КОНЕЦЪ КНИДІЙСКАГО ХРАМА.

Какъ слѣдующій отрывокъ того же сочинителя, то почелъ я за долгъ перевести оный и здѣсь присовокупить³⁸.

Хотя нѣкогда я со младою Кефисою³⁹ въ Идалійской роцѣ⁴⁰, нашелъ спящаго на цвѣтахъ Ерота покрытаго нѣсколькими отъ Зефирнаго дыханія возвѣваемыми миртовыми вѣтвями.

Игры и смѣхи слѣдующіе всегда за нимъ, отошли далеко отъ него рѣзвиться: онъ былъ одинъ. И по сему находился въ моей власти; лукъ его и колчанъ лежали у него по сторонамъ; и если бы я тогда захотѣлъ, могъ бы похитить Еротово оружіе. Кефиса взяла лукъ всеильнаго сего бога; положила на оный стрѣлу такъ, что я и примѣтитъ того не могъ, и пустила оную въ меня. Я усмѣхаяся сказалъ ей; возми еще другую, и стрѣли на меня вторично; а сія рана весьма легка и нѣжна. Кефиса хотѣла натянуть другую стрѣлу; она упала ей на ногу, и она закричала тихонько: стрѣла сія была тяжчайшая изо всѣхъ въ Еротовомъ колчанѣ; Кефиса поднявъ оную пустила, сія меня поразила; и я наклонился. Ахъ Кефиса! такъ ты хочешь меня умертвить? Подо-

шла она къ Ероту, и онъ крѣпко спить, сказала: зная утрудился, метая стрѣлы свои; надобно нарвать цвѣтовъ и связать ему ими руки и ноги. Ахъ! я не могу на то согласиться; онъ былъ къ намъ всегда милостивъ. Инъ возьму я оружіе его, молвила она, и вонзу въ него стрѣлу изо всей моей силы. Онъ проснется, отвѣчалъ я ей. Пускай проснется, что онъ можетъ намъ сдѣлать, какъ только, что насъ больше ранить? Нѣтъ, нѣтъ пускай онъ спить, мы будемъ стоять подлѣ него, и тѣмъ паче воспламенимся.

Кесифа нащипавъ миртовыхъ и розовыхъ листочковъ, говорила: я засыплю оными Ерота; игры и смѣхи будутъ искать его, но не возмогутъ найти. Бросила оные на него и смѣялась, видя сего божка почти со всѣмъ засыпана. Но что я время теряю по напрасну, сказала она? Надобно ему обрѣзать крылья, чтобъ не было больше на землѣ людей легкомысленныхъ; ибо божокъ сей пролетая изъ сердца въ сердце, разноситъ повсюду непостоянство. Взяла она свои ножницы и сѣла, держа въ одной рукѣ конецъ позлащенныхъ Еротовыхъ крыльевъ. Я чувствуя въ пораженномъ сердцѣ моемъ страхъ и ужасъ, вскричалъ; постой Кефиса. Она меня не послушала: она обрѣзала самые верхушки крыльевъ Еротовыхъ; бросила ножницы, и убѣжала.

Еротъ пробудясь хотѣлъ летѣть, но почувствовалъ въ себѣ неизвѣстную тяжесть. Увидѣлъ на цвѣтахъ концы крыльевъ своихъ, и началъ проливать слезы. Юпитеръ примѣтя сіе съ высоты Олимпа, ниспослалъ облакъ, который принести его во Книдійскіе чертоги, спустилъ на лоно Венерино. Любезная мать! говорилъ онъ; махалъ я крыльями моими и на лонѣ твоёмъ; но теперь оные у меня обрѣзаны, что мнѣ придетъ дѣлать? Сынъ мой, сказала прекрасная Киприда: не плачь, сиди лишь на лонѣ моемъ тихо и смиренно; теплота скоро отраститъ твои крылья: не видишь ли, что они больше стали? Обними меня, они растутъ; скоро будутъ такія же, какъ и были; я вижу уже, что кончики на нихъ золотятся: въ одну минуту. --- Сего довольно: лети, лети мой сынъ. Хорошо, сказалъ онъ, попытаюсь, полетѣлъ; сѣлъ опять близъ Венеры, и тотъ часъ взлетѣлъ на лоно ея. Поднялся паки, сѣлъ отдыхать по далѣ, и возвратился опять къ Венерѣ. Обнималъ ее; она улыбалась, еще обнималъ и игралъ съ нею: на конецъ поднялся высоко на воздухъ, откуда и владычествуешь надъ всѣмъ естествомъ.

Еротъ во отмщеніе сдѣлалъ Кефису непостояннѣйшею изо всѣхъ красавицъ. Онъ распаляетъ ее всякій день новымъ пламенемъ. Она любила меня, любила и Дафнида; а нынѣ любитъ Клеона. Жестокосердый Еротъ, ты симъ наказываешь меня! я буду сносить терпѣливо наказаніе твое за ея проступокъ: но не приготовить ли еще другихъ для меня мученій?

КОНЕЦЪ.

Ш. Л. Монтескье Храм Книдийский

Печатается с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации. Воспроизведена титульная страница издания 1770 г.

Первое анонимное издание: Paris, chez Nicolas Simart, 1725 (avec Céphise et l'Amour).

И.С. — *Сичкарев Иван Иванович* публиковался в журналах «Всякая Всячина» (1769), «Барышек Всякой всячины» (1770), переводил с греческого и французского языков. По инициативе «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг» перевел и опубликовал за подписью «И. С.» любовную повесть Ш.-Л. Монтескье «Храм книдийский» (1770).

Произведение было переведено еще раз: Монтескье Ш. Л. Храм Венеры на острове Книде : Поэма в семи песнях / Творение г-на Монтескю; Перевод с французскаго. — Москва : В вольной типографии Гария и компании, 1804. — 96 с.

Публий Лициний Эгнаций Галлиен (лат. Publius Licinius Egnatius Gallienus) — римский император с августа 253 по июль-август 268 года. У Монтескье эпитафия помещен перед первой песнью.

¹ Французский перевод Ж.-Б. Мирабо «Освобожденного Иерусалима» вышел в 1724 г.

² Действительно, Монтескье неоднократно отказывался от авторства этого произведения. В переиздании 1743 г. Монтескье признался, что при его создании не имел иной цели кроме поэтического изображения сладострастия, а в 1748 г. сожалел о том, что написал «столь фривольное произведение».

³ *Книд* — крупный торговый город, центр культа Афродиты. Во время раскопок 1970-х гг. археологами был вскрыт круглый в плане дорический храм Афродиты, в котором был обнаружен пьедестал легендарной статуи Афродиты Книдской — одной из наиболее знаменитых работ Праксителя (IV века до н. э.), самое прославленное изображение этой богини во времена античности. Считается, что Афродита Книдская стала первым скульптурным изображением нагого женского тела в древнегреческом искусстве. Статуя не сохранилась, существуют повторы и копии.

⁴ Согласно мифологии, Пафос — город в юго-западной части острова Кипр — является родиной греческой богини любви Афродиты.

⁵ Древний город Амасунта находился на холме недалеко от Лимассола (Кипр). В нем был знаменитый храм Афродиты.

⁶ Вулкан (лат. *Vulcanus*) — в римской мифологии хромой бог огня и кузнечного дела, сын Юпитера и Юноны, супруг Венеры (греч. Гефест).

⁷ Когда Венера возлежала с Марсом, Вулкан поймал их в сети и пригласил весь Олим убедиться в измене.

⁸ Рубины.

⁹ Адонис.

¹⁰ Фригия — внутренняя историческая область на западе Малой Азии и могущественное царство, являвшееся первой из известных грекам «паназиатских» держав.

¹¹ Гименей.

¹² У Монтестье — Амур.

¹³ Царица Амаюнская — Венера.

¹⁴ Тирсис.

¹⁵ Дафнис.

¹⁶ Темира — имя, часто встречающееся в идиллиях вместе с Дафной. Во французской поэзии с этим именем связана семантика легкости, поэтического вдохновения, а также мимолетности, быстро исчезающей красоты.

¹⁷ Тесей и Парис.

¹⁸ Лесбос.

¹⁹ *Ориана* — возлюбленная Амадиса Галльского — героя знаменитого средневекового рыцарского романа. Монтестье использует знаковые для литературной традиции имена, придавая им иные значения.

²⁰ *Кандавл* — полубогатый царь Лидии, последний из династии Гераклидов

²¹ *Аристей* (то есть *лучший*) — имя греческого героя или божества

²² *Антилох* — один из лучших греческих воинов Троянской войны, друг Ахилла, погиб под Троей. Вероятно, это имя использовано лишь для создания колорита — Антилох потомства не имел.

²³ Царица Пасифая, жена Миноса, призналась ему в своей страсти к быку. Она поведала Дедалу о том, что когда-то Посейдон послал Миносу быка в знак того, что власть отныне будет принадлежать только ему одному. Посейдон исполнил желание Миноса, но посланный бык оказался столь прекрасен, что царю стало жаль приносить его в жертву, и он принес в жертву другого. В наказание за это, по воле Посейдона Пасифая воспыкала страстью к этому животному и потребовала от Дедала помощи. Он сотворил деревянное подобие коровы, покрытое шерстью и поместил царицу внутрь. Так Пасифая соблазнила быка, и от этой связи родилось чудовище — Минотавр, человек с головой быка.

²⁴ Кносский лабиринт — в древнегреческой мифологии сложное сооружение со множеством запутанных переходов, спроектированное Дедалом на острове Крит для царя Миноса. Он был так хитро построен, что сам его создатель едва смог сбежать оттуда. Ариадна, дочь Миноса, полюбила Тесея, прибывшего, чтобы убить Минотавра, находящегося в центре лабиринта.

Чтобы помочь ему выбраться, она дала ему клубок ниток. Тесей привязал конец нити к двери у входа в лабиринт и, убив Минотавра, благополучно выбрался из запутанных ходов.

²⁵ *Идоменей* — персонаж древнегреческой мифологии, внук Миноса, критский царь.

²⁶ Он поклялся принести в жертву первого кого встретит, если спасется от бури: первым оказался его сын.

²⁷ Намек на Агамемнона, убитого женой Клитемнестрой и ее любовником Эгисфом.

²⁸ Лесбос — остров в Эгейском море..

²⁹ *Лемнос* — остров в Эгейском море.

³⁰ Женщины Лемноса убили своих мужей, которые ими пренебрегали.

³¹ *Дилос* (Делос) — остров в Эгейском море, в группе островов Киклады.

³² Наиболее традиционная версия о числе граций (харит) восходит к Гесиоду, который говорит о трех харитах и называет их по именам: Аглая («блеск»), Евфросина («радость») и Талия («цветение»).

³³ наряд.

³⁴ *Evohé* — возглас вакханок, призывающих Диониса.

³⁵ *Силен* — сын Пана или Гермеса и нимфы, вскормивший и воспитавший Диониса, научивший его виноделию и пчеловодству, с которым он жил в теснейшей дружбе, сопровождая его на осле.

³⁶ *Додона* — древнегреческий город в Эпире, который славился в античности оракулом при храме Зевса, почитавшимся как древнейший во всей Древней Греции. Додонское святилище было одним из самых известных.

³⁷ «История Сефизы и Амура» была присоединена Монтекские к «Книдскому храму» в издании 1748 г.

³⁸ Есть мужской персонаж с таким именем: Кефис или Кефиз — в древнегреческой мифологии бог реки Кефис, отец Нарцисса.

³⁹ Город Идалион и гора Идалия на Кипре, где Афродита почиталась, как главное божество. Идалия — одно из имен Афродиты.

«Внука Венера меж тем погружает в сладкую дрему
И на руках уносит его в Идалийские рощи,
Где меж высоких дерев, овеваемый запахом сладким,
Спит он в душистой тени прекрасных цветов майорана».

(*Вергилий*. Энеида. Песнь 1. 691-694)

⁴⁰ У Монтекские — Амур.